

Видимо, в названной статье были затронуты принципиальные вопросы развития научно-образовательного комплекса, далеко выходящие за рамки проблем НГУ и СО АН. 8 февраля 1961 г. та же газета отмечала, что статья М.А. Лаврентьева вызвала «широкий отклик». В названном номере указанной газеты была помещена также статья ректора ЛГУ академика А.Д. Александрова «Основное звено — высшая школа», который не только поддержал идею М.А. Лаврентьева о передаче университетов Академии наук, но и высказался о целесообразности объединения научных учреждений и вузов в «учебно-научные центры». По его оценке, «известное осуществление этого можно видеть в тесной связи Новосибирского университета с СО АН СССР».

Позднее, 18 ноября 1962 г. газета «Известия» опубликовала статью М.А. Лаврентьева «Кадры — большой науке!», где ещё раз формулировалось предложение «о передаче Академии наук университетов из Москвы, Ленинграда и Новосибирска».

Как известно, все эти проекты полной интеграции университетов и Академии наук, в т.ч. НГУ и СО АН, не получили поддержки властных структур. Оценивая эту ситуацию в более широком историческом контексте, правомерно, помимо прочего, выдвинуть два предположения. Во-первых, игнорирование предложений М.А. Лаврентьева об интеграции университетов с Академией наук означало ещё один «утраченный шанс» в развитии отечественного научно-образовательного комплекса. Представляется, что такая интеграция, будь она в свое время осуществлена, облегчила бы современное реформирование РАН.

Во-вторых, отмеченные предложения М.А. Лаврентьева правомерно оценивать как своеобразную форму противостояния хрущёвскому волюнтаризму, хотя сам их автор, возможно, и не придавал им такого значения. В самом деле, реализация обозначенных идей о «научно-учебных центрах» способствовала бы упрочению позиций Академии, в то время как Н.С. Хрущёв стремился к её ослаблению.

Наиболее благоприятные условия для реализации реформаторских идей М.А. Лаврентьева сформировались в конце «оттепели», — в том числе и потому, что в это время рейтинг М.А. Лаврентьева, его влияние на высшее руководство достигли максимума. Этому способствовало успешное конституирование СО АН, превращение новосибирского Академгородка в один из наиболее впечатляющих символов наших успехов.

Эта особая, можно сказать, беспрецедентная роль М.А. Лаврентьева ярко прослеживается, например, по опубликованным материалам заседания Президиума ЦК КПСС 23 декабря 1963 г. Там обсуждался ряд важных вопросов, в т.ч. о государственном плане развития народного хозяйства на 1964—1965 гг., о химической промышленности, о реформе среднего образования. В связи с этим М.А. Лаврентьев озвучил свой план реформирования общеобразовательной школы. Характерно, что в ходе заседания Н.С. Хрущёв постоянно обращался к присутствовавшему там М.А. Лаврентьеву, который, как известно, являлся лишь кандидатом в члены ЦК КПСС.

Наиболее ярким выражением этого особого положения М.А. Лаврентьева в «позднеоттепельной» властной иерархии стало создание в феврале 1963 г. Совета по науке при Совете Министров СССР. Инициатором этой новации стал М.А. Лаврентьев, который и возглавил новую структуру. Благодаря вулканической энергии Михаила Алексеевича за недолгий срок своего существования эта организация стала весьма активной, причём полномочия Совета порой далеко выходили за рамки научно-организационных проблем. В частности, как говорится в мемуарах М.А. Лаврентьева, им был поднят вопрос «об экономической нелепости сложившейся системы планирования».

Не менее характерна в этом плане роль М.А. Лаврентьева в подготовке очередного хрущёвского проекта по реформированию научно-образовательной сферы. В апреле 1963 г. Н.С. Хрущёв представил по этому поводу обширную записку в Президиум ЦК КПСС. Наряду с различными общими пожеланиями об улучшении руководства наукой там содержались весьма радикальные предложения о преобразовании системы подготовки и защиты диссертаций, а также изменении системы оплаты труда научных работников (отмена платы за степени и звания). Этот документ был направлен в четыре адреса: президенту АН СССР М.В. Келдышу, заместителю председателя Совета Министров СССР Н.К. Рудневу, президенту АН Украины Б.Е. Патону и М.А. Лаврентьеву. Им было предложено «обстоятельно все изучить» и представить свои замечания через две-три недели.

Текст замечаний М.А. Лаврентьева опубликован в книге «Век Лаврентьева». Михаил Алексеевич наиболее подробно остановился на вопросах подготовки научной молодёжи, высказываясь за более раннюю специализацию в обучении, в частности, за создание специальных математических школ-интернатов, за отмену преподавания иностранных языков, «методологии, педагогики» на естественных факультетах, за расширение научной работы в вузах путем привлечения ученых из академических и отраслевых институтов. Кроме того он предложил за выпуск неграмотных учеников закрыть Академию педагогических наук. В то же время он не поддержал идеи сколько-нибудь существенной ломки существующей системы степеней и званий, но предложил усилить требования к диссертациям, упростить процедуру их защиты.

В июне 1963 г. секретари ЦК КПСС П.Н. Демичев и Л.Ф. Ильичёв представили Н.С. Хрущёву отредактированный текст его записки с учётом замечаний четырёх именитых рецензентов. Были отмечены предложения, которые «нецелесообразно включать в записку», в т.ч. «предложения Т. Лаврентьева М.А. по вопросам работы средней школы, о закрытии Академии педагогических наук, нецелесообразности изучения иностранных языков в вузах».

Вместе с тем, отредактированный вариант хрущёвской записки ещё раз подтвердил безусловный рейтинг М.А. Лаврентьева как «тайного советника вождя». Рассматривая важнейший резерв развития науки — систему более активного отбора способной молодёжи, Н.С. Хрущёв в качестве единственного позитивного примера отметил опыт СО АН. Однако бросается в глаза, что в рассматриваемом хрущёвском тексте не нашла отражения идея М.А. Лаврентьева о повсеместном создании специальных физико-математических школ-интернатов («Ломоносовских училищ») с приравниванием их по материально-техническому обеспечению к суворовским училищам.

Понятно, что в таком суперофициальном тексте М.А. Лаврентьев не мог высказывать свои «заветные мысли». Как представляется, о его стратегических замыслах в конце «оттепели» можно судить по одному документу, находящемуся в Научном архиве СО РАН. Он атрибутирован как «выступление М.А. Лаврентьева на июньском пленуме ЦК КПСС 1963 г.». Возможно, президент «сибирской Академии» действительно предполагал выступить на этом пленуме, который был посвящён «очередным задачам идеологической работы. Однако на нём из числа представителей научно-образовательного сообщества такая возможность была предоставлена лишь президенту АН СССР М.В. Келдышу и министру высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютину. Весьма характерно, что в их речах отсутствовали какие бы то ни было серьёзные реформистские предложения.

В рассматриваемом тексте, который, возможно, был проектом выступления М.А. Лаврентьева на июньском пленуме, в частности отмечалось: «Сейчас является фактом, что большая наука есть в академиях наук и в промышленности, и также факт, что в подготовке научных кадров должны ведущую роль занимать учёные, делающие науку сегодняшнего дня. Это ясно всем, но нет единой точки зрения о создании большой науки в университетах. Моё глубокое убеждение, что в целом сегодня этот путь не реален. Главным здесь, я считаю, является непосредственное привлечение учёных к преподаванию без изъятия их из НИИ. Лозунг «При каждом университете комплекс НИИ» должен быть заменён лозунгами: «При каждом комплексе НИИ свой университет» и «Каждый учёный должен быть и учителем».

Кардинальные изменения в ситуации происходят после отставки Н.С. Хрущёва. Здесь имели место два взаимосвязанных процесса. Общественно-исторический контекст определялся нарастанием консервативно-охранительных, «застойных тенденций». Применительно к СО АН это усугублялось тем, что М.А. Лаврентьев лишился своего главного покровителя. В последующее десятилетие вплоть до отставки М.А. Лаврентьева (1975 г.) политика правящих кругов по отношению к СО АН характеризовалась, по меньшей мере, отсутствием прежнего внимания, а нередко пренебрежением и даже негативизмом.

Весьма рельефно это проявилось в чрезвычайной оперативности, с которой была проведена ликвидация лаврентьевского Совета по науке, — это стало одной из первых акций нового руководства. При этом весьма показательно, что в попытках отстоять своё детище М.А. Лаврентьев прибег к аргументам не только прагматического, но и более общего характера, придавая этому вопросу определённое политическое измерение.

19 октября 1964 г. он направил первому заместителю председателя Совета Министров СССР Д.Ф. Устинову обширную докладную записку с обоснованием целесообразности продолжения работы Совета по науке. Она завершалась следующей симптоматичной фразой: «За сравнительно небольшой период времени с момента создания Совета по науке накоплен положительный опыт, свидетельствующий о том, что работа Совета является одной из новых форм дальнейшего укрепления демократических основ и общественных начал в развитии науки, техники и экономики, предусмотренных Программой КПСС».

Однако в «верхах» по этому поводу уже сложилась иная, и, видимо, совершенно непреклонная позиция: 27 ноября 1964 г. Совет Министров СССР своим постановлением упразднил Совет по науке. В этом чрезвычайно лаконичном документе отсутствовала какая бы то ни было аргументация данного решения. Однако о мотивах или во всяком случае об официальной версии соответствующих «групп давления» можно судить по письму, направленному 11 ноября 1964 г. председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину. Оно было подписано Д.Ф. Устиновым, К.Н. Рудневым и М.В. Келдышем. В указанном документе утверждалось: «Совет дублирует функции, выполняемые государственным комитетом по координации научно-исследовательских работ, Президиумом Академии наук СССР», «отвлекает учёных, работающих в составе Совета и привлекаемых для подготовки материалов для него, от их основной деятельности».

В новой ситуации скепсис М.А. Лаврентьева в отношении Академии наук получил новый импульс. Все новые факты говорили о том, «антиСОАНовскую» политику проводят не только правящие круги страны, но и руководство АН СССР. Наиболее ярким проявлением этого стало создание в 1969 г. Дальневосточного научного центра АН. Известно, что Сибирское отделение АН предпринимало большие усилия по укреплению своих позиций на Дальнем Востоке и во второй половине 1960-х гг. направило на развитие науки в этом регионе значительную часть имеющихся у него средств. Поэтому шоком для М.А. Лаврентьева стало принятое в январе 1969 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании в РСФСР четырёх научных центров. В т.ч. на Дальнем Востоке, с прямым подчинением Академии наук.

М.А. Лаврентьев предпринял отчаянные

усилия, чтобы изменить ситуацию, в том числе провел переговоры с М.В. Келдышем. Их итог он резюмировал следующим образом: «Я не хочу отдавать, Келдыш хочет взять». Однако все эти усилия не принесли результата: в августе 1969 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании Дальневосточного научного центра АН СССР. В результате Сибирское отделение понесло значительный урон, в т.ч. лишилось 16 % научных сотрудников. Разумеется, названные решения были приняты на самом высшем уровне, однако роль «большой Академии» в данной ситуации выглядела весьма одиозной.

Видимо, в этой обстановке создателя Сибирского отделения вновь посещают мысли о придании этому научному центру более независимого статуса, — вспоминаются прежние планы «сибирской академии». Показательны в этом плане высказывания М.А. Лаврентьева на заседании Президиума СО АН в январе 1975 г. Стенограмма этого заседания никогда не публиковалась и находится в НАСО. Напомним, что это был последний год пребывания Михаила Алексеевича во главе Сибирского отделения, и в то время против него уже развернулся настоящий поход. Неудивительно, что в эти последние месяцы М.А. Лаврентьев неоднократно высказывался о путях упрочения позиций СО АН.

На упомянутом заседании М.А. Лаврентьев информировал о своей поездке в Томский научный центр, беседах с его сотрудниками. Видимо, в ходе этих встреч обсуждался вопрос о перспективах Академии наук и её Сибирского отделения. М.А. Лаврентьев так представил настроения томских учёных: «Там выдвигалась даже следующая идея: из нашего названия исключить букву О и называться нам Сибирской академией наук. Для начала попросить удвоить количество академиков и членов-корреспондентов. Сейчас это может пройти, потому что настроения Большой академии не одобряются и не поддерживаются. Меня просили приехать и обсудить этот вопрос».

Поддерживая такого рода предложения, М.А. Лаврентьев по этому поводу сказал на этом заседании: «Надо добиваться именно такого: Сибирь — это не Грузия и Армения. Надо пробивать». Видимо, президент СО АН рассчитывал, что повышение статуса сибирского научного центра позволит увеличить финансирование и соответственно укрепить кадровый потенциал: «Зарплата чтобы была такая, как в Большой академии. Надо иметь такую дотацию по званиям, какую имеют москвичи. Иначе мы будем терять людей. Сейчас в Москве 20 вакантных кафедр по математике, преподают кандидаты наук. Я не говорю о других университетах, где на весь университет один математик-кандидат. Открыли университетов много, а учёных нет».

Томичи сильно поддержали эту идею: при выборах определенное количество мест, 20—25 %, предоставлять крупным строителям, инженерам, директорам. Словом, на уровне тех, которые проходят в союзную академию, там сейчас такие: отраслевые институты, КБ и заводы — Туполев, Яковлев и другие, они академики или члены-корреспонденты, словом, творческие работники, делающие технику сегодняшнего дня. Здесь двойная польза могла бы быть для нас. Не секрет, что с внедрением научных исследований в технику трудности очень большие».

Разумеется, высказывания такого рода, критические суждения М.А. Лаврентьева в адрес Академии наук необходимо рассматривать в соответствующем контексте. Ясно, что консерватизм «Большой академии» был лишь одной из многих проблем. Не менее острой критику Михаил Алексеевич адресовал министерской бюрократии.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что М.А. Лаврентьев был одним из немногих, а, быть может, и единственным государственным деятелем «позднесоветского» периода, который сформулировал стратегию реформирования отечественного научно-образовательного комплекса. Идеи и предложения Михаила Алексеевича затрагивали все его компоненты от средней школы до Академии наук. Их значение выходило далеко за рамки научно-образовательной сферы. В сущности, это был вариант эволюционной трансформации нашего общества в соответствии с требованиями времени. В таком качестве эти планы противостояли как консервативно-застойным, так и нигилистически-разрушительным процессам. Сейчас становится особенно ясно, что М.А. Лаврентьев был не только выдающимся учёным и организатором науки, создателем Сибирского отделения Академии наук. Нам ещё предстоит в полной мере оценить его роль как государственного деятеля, патриота России.

И.С. Кузнецов, д.и.н., профессор НГУ
Фото Р.Ахмерова